

Изученія раскола, произведенныя не въ видахъ криминальнаго заподозрѣнія, а съ этой человѣчной и научной точки зрѣнія, раскрыли въ немъ цѣлое явленіе, чрезвычайно характерное для исторіи до-Петровскаго быта, XVII—XVIII вѣка и современной народной жизни. Если гдѣ въ старину особенно рѣзко сказывалась разнида или противоположность между Петровскій и московской Россіей, то именно въ этомъ контрастѣ реформы и раскола: здѣсь встрѣтились два опредѣленные быта, два *ученія*.

Разработка источниковъ XVIII вѣка указала и внѣ раскола примѣры протеста противъ нововведеній; историки литературы указываютъ еще въ XVIII в. проявленія сочувствій, направленныхъ назадъ въ старину и почитаемыхъ за предшествованіе новѣйшаго славянофильства. Но съ другой стороны выяснялось, что реформа была безповоротнымъ національнымъ дѣломъ: не только энергія преобразователя увлекала высшіе классы на служеніе новому государственному и общественному порядку, но самая сила вещей—очевидная необходимость этого новаго порядка въ виду тѣхъ новыхъ отношеній, какія все больше окружали и охватывали государство и требовали иныхъ матеріальныхъ силъ, иного характера образованія, чѣмъ тѣ, какими владѣла до-Петровская Россія. Мы упоминали выше, что еще въ московской Россіи, среди полнаго развитія ея понятій, вкусовъ и обычаевъ, высказались самыя очевидныя стремленія къ усвоенію западныхъ знаній, искусствъ и художественныхъ развлеченій. Подъячій Котошихинъ, этотъ отрицатель традиціоннаго застоя, выросъ въ старинной московской средѣ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, крестьянинъ Посошковъ, стоящій одною ногою въ той же старинѣ, является, однако, рѣшительнымъ приверженцемъ реформы и приносить свой взглядъ на защиту новаго просвѣщенія. Великимъ дѣятелемъ просвѣщенія въ духѣ реформы сталъ другой крестьянинъ, Ломоносовъ, противъ котораго не осмѣливались возставать новѣйшіе заклятые враги «петербургскаго періода».

Восемнадцатый вѣкъ и первая половина девятнадцатаго, можно сказать, впервые стали доступны исторіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. До тѣхъ поръ возможна была для нихъ только исторія официозная, панегирическая, въ державинскомъ духѣ, съ громомъ побѣдъ, неизмѣнно мудрымъ, благотѣльнымъ правленіемъ. Исторія говорила только объ официальныхъ показныхъ фактахъ, умалчивала слишкомъ многое о дѣйствительной жизни, о положеніи народныхъ массъ, не касалась оборотной стороны медали, не подозрѣвала умственной жизни общества. Мы упоминали о томъ, какая перемѣна произошла въ исторической ли-